

©2018

Иван Буздалов

академик РАН, главный научный сотрудник Института экономики РАН
(e-mail: tamara.buzdalova@yandex.ru)

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ: СИСТЕМНЫЙ АГРАРНЫЙ КРИЗИС ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В статье рассматриваются базовые показатели сложившегося в настоящее время социально-экономического положения в сельском хозяйстве России. Особо отмечается запредельный дисбаланс между отдельными позитивными, в основном количественными изменениями в развитии сельского хозяйства и сохраняющимися глобальными проявлениями аграрного кризиса. Их преодоление должно обеспечиваться прежде всего прогрессом в социально-трудовой сфере сельского развития. Ключевое значение имеет при этом преодоление критической ситуации в использовании главного средства производства в сельскохозяйственной отрасли – земли.

Ключевые слова: сельское хозяйство, состояние в производстве и социальной сфере отрасли, импорт и экспорт продукции, истощение почвенного плодородия, аграрный кризис, аграрная политика.

В последнее время при подведении общих результатов социально-экономического развития страны в верхних эшелонах федеральной власти, как и в заявлениях руководителей аграрного ведомства делается особый акцент на успехах в сельском хозяйстве, причем выделяются главным образом два показателя: годовой прирост продукции и увеличение ее экспорта на основе принимаемых мер по продовольственному импортозамещению.

Действительно, сельское хозяйство является одной из немногих отраслей российской экономики, обеспечивших определенный рост производства и заметные результаты импортозамещения. Если в 2015–2016 гг. валовой внутренний продукт страны сократился на 3%, а спад промышленного производства составил 2,3%, то объем продукции сельского хозяйства возрос на 7%. Доля сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости увеличилась и составила в 2016 г. 4,5% против 3,9 в 2015 г. наблюдаются позитивные изменения объемов и соотношения экспортных и импортных операций сельскохозяйственной продукции, которые произошли в условиях девальвации рубля. За последние три года экспорт увеличился и превысил 17 млрд долл., а экспорт зерна в 2016 г. превысил 10 млрд долл., что явилось важным источником поступления валюты в бюджет. Одновременно импорт сельхозпродукции сократился с 43 млрд до 25 млрд долл., а разрыв между импортом и экспортом снизился с 27 млрд до 8 млрд долл.

Однако эти положительные сдвиги произошли на фоне целого ряда негативных тенденций, которые сформировались в результате накопленных отраслевых проблем и дисбалансов в сочетании с ухудшением макроэкономической ситуацией в стране, что не ослабило аграрный кризис, а привело к его углублению. Реально располагаемые доходы сельского населения упали за два года больше чем на 10%, при этом спрос на продовольствие сократился на 13%, особенно на мясную и молочную продукцию, фрукты и ягоды. Объем сельскохозяйственного производства в целом лишь приблизился к уровню 1990 года, а продукции животноводства составил всего 70% к этому уровню. Рост сельскохозяйственного производства остается неустойчивым, наблюдается высокая его волатильность. В отрасли сохраняются и углубляются структурные диспропорции между крупным, средним и малым бизнесом, отдельными подотраслями производства, стадиями агропромышленной цепочки, регионами и т.д.

Один из основных сдерживающих факторов развития отрасли – инвестиционная недостаточность. Инвестиции в отрасль чаще падают, чем растут. В 2016 г. они оказались значительно ниже, чем в 2007 г. Эту динамику наглядно показывают последние годы: в 2014–2015 гг. падение инвестиций в агропромышленный комплекс составило 16,5%, что значительно больше, чем по экономике в целом. Некоторое увеличение инвестиций в 2016 г. не компенсировало их падение в предыдущие годы. В результате доля инвестиций в сельское хозяйство в их общем объеме в экономике составляет 3,6%, что заметно ниже вклада отрасли в валовую добавленную стоимость.

Из-за низкой инвестиционной активности отрасли не удается выйти на необходимые темпы технико-технологического обновления. В сельском хозяйстве коэффициент обновления сельхозтехники остается на уровне 3,5–4%, то есть средний срок ее эксплуатации – почти четверть века. Темпы выбытия сельхозтехники в полтора-два раза выше, чем темпы приобретения новой. При этом сохраняется высокая зависимость отечественного агропромышленного комплекса от зарубежной техники и технологий, что негативно отражается на общем состоянии отечественного технико-технологического потенциала аграрного сектора и продовольственной безопасности страны.

Не завершена и сопровождается разительными парадоксами земельная реформа, предполагавшая приватизацию земельных участков и разграничение прав частной, государственной и муниципальной собственности на них. Продолжает ухудшаться состояние сельскохозяйственных земель. Внесение удобрений существенно отстает от выноса питательных веществ из почвы с урожаем, что ведет к ее деградации.

Но самое главное это то, что ухудшается положение в базовой сфере жизни села – в социальной сфере. Именно на селе концентрируется российская безработица. Уровень оплаты труда занятых в сельском хозяйстве

составляет всего 57% среднего значения по экономике. Село лидирует по людской бедности, масштабам алкоголизации, случаям суицида.

Основные причины, приводящие к отмеченным явлениям глубокого системного аграрного кризиса обусловлены в большей части несовершенством государственного управления отраслью, слабостью государственной поддержки сельского хозяйства, несовершенством регулирования аграрного рынка, земельных отношений и общей концептуальной ущербностью проводимой аграрной политики, прежде всего в социально-трудовом ее сегменте. Между тем, главным образом именно положение в этом сегменте характеризует наличие или отсутствие реального прогресса в сельском развитии.

В проводимой Россией аграрной политике следует различать проявления явного непрофессионализма, дилетантство, субъективизма и рациональность, когда политические решения принимаются исходя не из умозрительных «амбициозных» представлений людей, принимающих эти решения, *а основываются на знании и умелом использовании объективных закономерностей развития экономических, в частности аграрных отношений.* Между тем часто наблюдается нежелание видеть обе эти «ветви» аграрной политики, глубоко анализировать качество последней. Пока мы часто видим невнимание к ее слабым сторонам, отходу от фундаментальных основ аграрной политики и вытекающим отсюда просчетам в ее практическом осуществлении. Нужно последовательно руководствоваться правилами для высокой эффективности аграрного производства, *необходимо социальное благополучие непосредственных сельских товаропроизводителей.* Прогрессивные изменения в АПК, несовместимые с субъективными политическими целеустановками в элементы дезорганизации, структурные перекосы, консервирующие общую отсталость сельского хозяйства.

Необходимость особого внимания к социально-экономическим проблемам сельского хозяйства требует наделения его приоритетным статусом в общей экономической политике государства. Важно признание массовой господдержки сельского развития как *безальтернативного принципа аграрной политики.* Это обусловлено рядом факторов и условий фундаментального характера, прежде всего тем, что сельское хозяйство как первичная базовая основа материального производства занимает особое место среди других ведущих отраслей и сфер экономики не только по своей целевой функции, циклу воспроизводства, но и по отраслевой и пространственно-социальной структуре. Жизнедеятельность крестьянства, как бы не уменьшалась его доля в населении, во многом формирует фундаментальную базу развития экономики и всего общества, поскольку производит продукты питания, являющиеся, по словам К. Маркса, «самым первым условием жизни непосредственных производителей и всякого производства вообще».

Сейчас на продовольствие в России приходится около 48% потребительского рынка, а затраты на питание по состоянию на середину 2016 г. составляли почти половину расходов российских домохозяйств против 1/3 на начало 2014 г. Даже небольшие сбои в снабжении продовольствием лишь по отдельным продуктам (овсянка, гречка, сахар и т.д.) неизбежно сопровождается ростом цен на них, что вызывает у населения протестную реакцию.

Воспроизводственный цикл сельского хозяйства опирается преимущественно не на исчерпаемые минеральные, а на воспроизводимые ресурсы – плодородие почв, биологический (частично энергетический) потенциал растений и животных. Он более равномерно, чем в других межотраслевых комплексах, распределен по территории страны. Сельское хозяйство использует 13% земельной площади (36% – без учета площади лесов и поверхностных вод) и почти 20% потребляемых водных ресурсов России. Площадь пашни в стране сопоставима с этой площадью во втором в мире производителе продовольствия – Евросоюзе, но в отличие от него может быть увеличена на 15–30%. Многие считают, что такой прирост возможен, прежде всего, за счет освоения части десятков миллионов заброшенных за годы реформ пахотных земель. Однако, если в аграрной политике сделать поворот на главный путь развития сельского хозяйства – его интенсификацию, системную модернизацию, то объем производства на оставшихся сейчас в обороте землях сельскохозяйственного назначения в перспективе можно увеличить в 2–2,5 раза, укрепив и активизировав тем самым общий потенциал отрасли как «вечного двигателя», локомотива экономики.

Сельское хозяйство оказывает существенное влияние на изменения климата, состояние окружающей среды. На сельскохозяйственное производство приходится примерно 15–18%, а вместе с пищевой промышленностью – 25–28% эмиссии парниковых газов, способствующих глобальному потеплению. В свою очередь, изменения климата существенно осложняют весь воспроизводственный процесс в агропродовольственной системе и экономике страны в целом. Зависимость сельскохозяйственного производства от погодных колебаний вызывает повышенные издержки и риски для частных инвесторов, которые в целях обеспечения продовольственной безопасности страны вынуждено брать на себя государство. За последние 15 лет число опасных метеорологических явлений в России удвоилось, достигнув почти 550 в год, средняя температура выросла вдвое выше, чем среднемировая. Участились разрушительные для сельского хозяйства засухи и наводнения, возмещение потерь от которых в силу их объективной обусловленности также является обязанностью государства.

Аграрный сектор заметно влияет на общие макроэкономические параметры развития страны. В сельском хозяйстве России действуют около 30 тыс. сельскохозяйственных организаций, почти 230 тыс. крестьянских

(фермерских) хозяйств, около 17 млн приусадебных семейных хозяйств населения, а также около 80 тыс. садово-огородных объединений, в которых земельные участки имеют более 14 млн семей. По оценке Росстата, в отрасли трудятся более 5.1 млн человек, или 7,2% занятых в экономике (с учетом занятости в приусадебных хозяйствах реальная доля значительно выше). При разумной аграрной политике сельское хозяйство может дать свыше 15% общего объема производства и до 1/4 стоимости импорта РФ. Оптимизация этих параметров – прямая функция аграрной политики и, соответственно, системы государственного макроэкономического регулирования.

Сельское хозяйство во многом определяет социальную и этно-демографическую ситуацию в обществе. Сельские территории занимают две трети площади России, на ней проживает 26% населения страны. Более чем в половине административных районов России преобладают сельские жители. Общенациональное значение приобретает преобразование запредельно деформированной инженерной и социальной инфраструктуры села, с учетом того, что до 60% трудоспособного населения сельской местности занято в несельскохозяйственных отраслях народного хозяйства.

Сельская жизнедеятельность остается важной основой национальной самоидентификации, хранителем национальных и этических ценностей, трудовых и поведенческих обычаев и традиций. Для различных народов России (особенно малых, проживающих в отдаленных и неблагоприятных по природно-климатическим условиям регионах) сельское хозяйство и сельское население по-прежнему образуют базу не только этнической и национальной идентичности, но и влияют на общий характер жизнедеятельности на сельскохозяйственных территориях.

Таким образом, рациональное использование уникального ресурсного потенциала отрасли, стимулирование эффективности производства через обеспечение достойных доходов занятых в сельском хозяйстве, стабильное снабжение населения основными продуктами питания отечественного производства по разумным ценам, поддержание экологического и социально-демографического баланса на сельских территориях – важнейшие базовые условия существования и развития государства и общества, имеющие глобальное народнохозяйственное значение. Поэтому обеспечение этих условий выступает не только как объективная общественная необходимость, но и является постоянным макроэкономическим приоритетом и определяющей задачей собственно аграрной политики, следовательно, реальной предпосылкой системной экономической и социальной модернизации, а поэтому, успешного позиционирования России в нынешних сложных и меняющихся мирохозяйственных процессах.

В этом плане заслуживает внимания зарубежный опыт эффективно-го функционирования аграрных отношений, роль в этом *поощрительной*,

«прокрестьянской» аграрной политики, к необходимости которой не раз призывали представители высшего руководства страны, включая Президента РФ В. Путина. А этот опыт, демонстрируемый в разных странах, неизменно показывает, что всестороннего прогресса в сельском хозяйстве и развитии всего АПК такие страны достигли благодаря последовательной поддержке этой отрасли и заботе о социально экономическом благополучии сельского населения. Не в последнюю очередь именно благодаря приоритетной государственной поддержке отрасли с середины XIX в. достигли современного могущества США. Прямым следствием протекционистски ориентированной аграрной политики является экономическая мощь Германии и Франции, ставших к тому же и крупнейшими экспортерами продовольствия.

Масштабные китайские преобразования с начала 80-х годов XX в. также являются непосредственным результатом инициированного Ден Сяо Пином перехода к опирающейся на базовое положение аграрной теории концепции: «сельское хозяйство – основа экономики», потребовавшего значительных финансовых затрат государства, которые увеличились почти до 8% общего бюджета страны (в России – 1,2%). Если до начала реформы состояние продовольственной и в связи с ней общей национальной безопасности Китая оставалось угрожающим, то в результате последовательно осуществленных преобразований социально-экономическое положение в сельском хозяйстве, а потому и в стране в целом, кардинально изменилось и прежде всего потому, что государственные средства на сельское развитие увеличились на порядок и продолжают расти. А главное в том, что вместе с влиянием на беспрецедентные количественные изменения в производстве аграрная политика содействовала кардинальным качественным переменам в аграрных отношениях, что в свою очередь способствовало переводу этой политики на обусловленные объективными закономерностями развития этих отношений фундаментальные научные основы, как это было ранее последовательно осуществлено в США, Германии, Франции, Скандинавских и многих других западных странах.

С позиции такого общего концептуального подхода к пониманию сущности аграрных отношений принципиально важно сначала выделить социально-экономическое содержание, а также проследить возникновение и эволюцию подсистем этих отношений. *Исторически основными из них являются:*

1. *Формы хозяйства и движущие силы качественных изменений в жизнедеятельности крестьян и крестьянских сообществ;*
2. *Отношения собственности, прежде всего земельной, с адекватным механизмом ее экономической реализации;*
3. *«Внешние» отношения крестьянства (с субъектами агропродовольственной системы и государством) в сферах обмена, распределения и потребления.*

Применительно к сельскому хозяйству в центре, точнее – на вершине этого треугольника, естественно, стоит крестьянин – главная производительная сила в развивающейся, обновляющейся и совершенствующейся практике всей системы аграрных отношений. Именно на такое обновление и совершенствование должна быть направлена аграрная политика, способствуя всесторонней реализации *определяющего двигателя производства и общественного прогресса вообще – личного, прежде всего материального, интереса земледельца*. Обеспечение этого интереса является поэтому приоритетом как непосредственно в воспроизводственном процессе, так и в аграрной политике, в общей экономической стратегии государства.

В любой системе есть общая фундаментальная основа, вокруг которой в тесной взаимосвязи и иерархической зависимости, «подчиненности» функционируют другие ее элементы, приоритетное значение которых в процессе исторического развития может меняться. Однако в сельскохозяйственной практике, и, следовательно, в системе аграрных отношений неизменным был и остается приоритет отношений собственности, прежде всего земельной. Как теоретически обосновываются и как практически решаются вопросы собственности, а, следовательно, адекватно этому другие «производные» направления развития сельского хозяйства, так функционирует вся система аграрных отношений, так в аграрной политике правового государства решается ее центральный, так называемый крестьянский вопрос.

«Именно частная собственность – писал И. Ильин, – побуждает и направляет хозяйственный инстинкт и хозяйственное творчество человека... Но именно тогда-то и обнаруживается, что личный инстинкт человека служит не только ему самому, но и семье, и роду, и обществу; и что от его самостоятельности, от его частной инициативы приходят в движение все силы и возможности народной жизни. Отменяя частную собственность, социализм и коммунизм пресекают действие этого инстинкта и делают его бесплодным. Поэтому они нежизненны и обречены на хозяйственный провал»¹. Если крестьянин лишен собственности или довольствуется общей, обобществленной («совместно-ничейной») собственностью, то он как сельскохозяйственный производитель лишается и стимулов творческого труда, житейской прочности, и уверенности в будущем. Право частной, прежде всего земельной собственности, наоборот, создает эту прочность и уверенность, обеспечивая эффективное взаимосвязанное функционирование всей системы аграрных отношений, всех элементов и рычагов механизма хозяйствования, подтверждая тем самым высокую степень рациональности построения этих отношений, наличие условий для проведения эффективной целенаправленной, последовательно «прокрестьянской» аграрной политики. Инициативные, трудолюбивые

¹ Слово. 1991. № 8. С. 81.

«культурные хозяева» (в годы сталинского произвола в аграрной политике представители «кулачества»), приверженцы творческого земледельческого труда, функционируют эффективно, основываясь на праве частной собственности. Именно на их предпринимательской деятельности в основном зиждется высокоразвитое сельское хозяйство в цивилизованных странах мира.

Наряду с этой социальной группой в социальной структуре земледельцев представлены: 1) по сути не обладающей правом частной собственности слой крестьянства, довольствующийся сочетанием своего, в основном натурального, приусадебного семейного хозяйства с занятостью в качестве наемных работников у тех же «культурных хозяев» — малых и средних субъектов аграрного бизнеса, а также в крупных частных и государственных землевладениях (агрофирмах, агрохолдингах, государственных СХО и т.д.) и 2) безразличный, даже враждебный к рыночному предпринимательству, слой селян (в т.ч. традиционных сельских маргиналов, а потому «бедняков»). Их естественный удел — малоэффективная деятельность на своем, как правило, запущенном приусадебном участке и приверженность к столь же неэффективной по своей сути (типа колхозов), общинной форме хозяйства с «совместно-ничейной» собственностью.

Исходя из изложенного выше наиболее существенным направлением аграрной политики является обеспечение *социального статуса крестьянина, адекватного роли и значению сельского хозяйства как первичной базовой отрасли экономики*. К сожалению, в сознании людей исторически сложилась привычка свысока смотреть на сельского жителя как на второсортного члена общества, а практика унижения социального статуса крестьянина, этого «сеятеля и хранителя» государства, производителя «самого первого условия» человеческой жизнедеятельности была и в определенной мере остается своего рода «установившейся» нормой.

Особое внимание в связи с этим со стороны государственных структур, органов исполнительной и законодательной власти заслуживает *упорядочение отношений собственности, прежде всего земельной, и механизма ее реализации, основанного на частном владении и рыночных принципах*. Провозглашенный в начале нынешних реформ принцип: «землю тем, кто ее обрабатывает» с приоритетом согласно ст. 9 Конституции РФ частного землевладения реализуется, мягко говоря с трудом, а нередко с явными злоупотреблениями. Предполагавшиеся частные собственники — бывшие члены колхозов, работники совхозов, социальной сферы села в своей массе вместо земельных участков в натуре получили «долевые» бумажные свидетельства. Многие земельные «долевладельцы» в сложившихся правовых и экономических условиях вынуждены за бесценок или под заманчивые обещания передавать свои доли состоятельным людям либо обладателям административного ресурса, часто не имеющим прямого отношения к сельскому хозяйству, вследствие чего сложилась группа земельных

олигархов, склонных в большей мере к земельным спекуляциям, чем к сельскохозяйственному производству.

При «посредничестве» чиновничества на местах эти доли превращаются в обширные, далеко не продуктивно использующие землю латифундии, охватывающие сотни тысяч гектаров продуктивных земель. Над гигантскими землевладениями, интересы хозяев которых нередко далеки от служения интересам непосредственных тружеников сельского хозяйства, трудно или невозможно осуществить надлежащий контроль и надзор. Предоставляемую ими отчетность по использованию земли, особенно по финансовой деятельности с ее «коммерческой тайной», часто приходится принимать на веру. Свыше 20% земельных долей при такой практике отношений собственности на землю оказались вообще невостребованными и практически не вовлеченными в хозяйственный оборот.

Ненадлежащее использование и вообще неиспользование значительной доли земель сельскохозяйственного назначения сейчас наблюдается в разных категориях хозяйств. Но пальму первенства среди них занимают именно крупные землевладельцы, о чем говорилось в президентском послании Федеральному собранию 3 декабря 2015 г. с предложением изымать эти земли и продавать их на аукционах «тем, кто хочет и может работать на земле». Этому не препятствует и нынешнее законодательство, однако оно и не содействует активно такому перераспределению. Дело в том, что земельные сделки сейчас регулирует больше не закон и не рынок, а «смычка» земельных олигархов с разросшимся местным во многом корумпированным чиновничеством.

Важным, историческим оправдавшим себя направлением осуществления аграрной политики является всестороннее развитие сельскохозяйственной кооперации. Опыт Финляндии, Швеции и многих других западных стран показывает, что через эту систему на рынок поставляется до 2/3 высококачественной сельскохозяйственной продукции, обеспечивается снабжение ее участников средствами производства, сервисное обслуживание, оказываются транспортные услуги, кредитование и т.д. Выполняя свои созидательные социальные функции, кооперация является действенным фактором устойчивости и высокой экономической эффективности сельскохозяйственного производства.

В России ее богатой кооперативной историей такая система до сих пор не создана и в плане ее реализации лишь намечена. Причем сама эта реализация практически передана на усмотрение местных властей, по сути происходит стихийно, с проявлениями произвола чиновников. В результате этого сбытовые, снабженческие и другие формы кооперативов вертикального типа, значительная часть которых существует лишь на бумаге, вообще не играют сколь-нибудь заметной роли в социальной структуре сельского хозяйства, тогда как в других странах эти формы играют

огромную роль в эффективном функционировании сельскохозяйственного производства.

Что касается производственных (горизонтального типа) кооперативов, доля которых составляет около $\frac{1}{4}$ общего числа СХО, то о подлинно кооперативной их сущности, если они созданы по нормам концептуально ущербного закона «О сельскохозяйственной кооперации» 1995 года, говорить не приходится уже потому, что основной формой кооператива на селе в законе определен тот же колхоз, т.е. псевдокооператив. А он создается путем объединения имущества, земельных долей и денежных средств его членов в паевой, фактически неделимый фонд, что по существу подрыывает подлинное право частной собственности. На практике, прикрываясь несовершенством кооперативного и земельного законодательства, земельные латифундисты, владельцы гигантских агрохолдингов разными путями «трансформируют» такие псевдокооперативы в свою собственность, превращая их членов в наемных работников.

В итоге возникает искусственная преграда на пути формирования кооперативов собственников, в число которых входят и владельцы сельских приусадебных семейных хозяйств (ПСХ), производящие около 40% валовой продукции сельского хозяйства и дающих значительную долю личных доходов их владельцам (эти ПСХ по недоразумению называют «личными подсобными»). Современные ПСХ обладают огромным потенциалом развития, представляют собой наряду с К(Ф)Х обширную социальную базу настоящей сельскохозяйственной кооперации и ее обслуживающих (вертикальных) формирований. В нашей стране до сих пор не используются огромные возможности, которыми располагают приусадебные семейные хозяйства как для эффективного, устойчивого развития аграрного производства, так и для возрождения кооперации. Вместо активной их поддержки как потенциальных субъектов малого бизнеса на селе, в последнее время из высоких кабинетов стали даже раздаваться, мягко говоря, странные заявления о новом «нормировании» размеров ПСХ.

Выше уже говорилось о том, что базовым признаком научной обоснованности аграрной политики и непосредственным направлением ее практического осуществления является *обеспечение приоритетного развития сельского хозяйства при активной деятельности органов государственного управления по его регулированию и бюджетной поддержке.*

Формально принцип приоритетности сельского развития признается. С принятием в 1990 г. закона «О социальном развитии села» государство должно выделять на аграрный сектор 15% национального дохода страны через федеральный бюджет. В разных интерпретациях этот принцип постоянно декларируется властями. На его реализацию в той или иной мере ориентированы нормы и положения различных законодательных и нормативных актов. Однако в действительности крайне мало делалось и делается до сих пор в части ресурсного обеспечения этих установок.

Сказывается, по оценке Президента РФ В. Путина, «недопустимо малое финансирование», размеры которого, по его мнению, высказанному в предвыборной президентской компании 2012 г., в расчете на единицу земельной площади должны быть ориентированы на опыт «всех развитых стран».

Но пока по-прежнему размеры господдержки остаются на уровне в 10–15 и более раз ниже, чем в странах, где приоритет сельского хозяйства обеспечивается на деле, а не остается общей установкой и призывом. Более того, получаемые сельским хозяйством мизерные суммы в пределах 1,2–1,3% бюджета страны господдержкой можно называть лишь условно. Если не поверхностно, а профессионально исследовать отношения сельского хозяйства с государством, другими субъектами его монопольного окружения, то нетрудно видеть, что указанные суммы составляют малую часть того, что через пресловутый механизм «перекачки» присваивают эти субъекты.

По имеющимся оценкам, общий объем национального дохода, создаваемого в сельском хозяйстве страны, исчисляется годовой суммой свыше 5 трлн рублей, из которых в пользу указанных субъектов в расчете только по товарной продукции через диспаритет цен, другие фискальные рычаги «перекачивается» не менее 1/3. Правда, около 14% суммы перекачки в форме разного рода субсидий и субвенций селу возвращается, но и из этой недопустимо малой суммы значительная часть (до 40%) через налоговые и другие фискальные платежи государство забирает назад, хотя убыточное из-за нарушения принципа эквивалентного обмена сельское хозяйство, наоборот, должно иметь значительные налоговые льготы, вплоть до нулевой ставки. (Показываемая в официальной отчетности рентабельность сельскохозяйственного производства исчислена при почти вдвое заниженной оплате труда селян в сравнении со средним по экономике уровнем. При сопоставимой его оценке отрасль в последние годы перманентно убыточна, а искусственная «экономия» на оплате их труда – главная причина его низкой производительности и оттока из деревни квалифицированных кадров, молодежи.)

Последовательному осуществлению названных и других более конкретных направлений аграрной политики должен соответствовать адекватный экономический механизм. Судя по опыту тех же развитых стран эффективному развитию АПК содействует рыночный механизм с его эквивалентными, паритетными ценовыми соотношениями, оптимальными налоговыми ставками и процентными начислениями по заемным средствам и т.д. Все инструменты рыночного механизма при этом активно влияют на показатели эффективности, обобщающим из которых является уровень рентабельности, складывающийся при условии здоровой, добросовестной конкуренции, ограничения проявлений монополизма

и, естественно, отсутствии прямого административного вмешательства в рыночные отношения.

При нынешней российской практике село остается в тисках монопольного окружения агрохолдингов, госкорпораций, фискальных органов государства, вне рыночных инструментов «административного ресурса» на федеральном и региональном уровнях. В целом ряде субъектов Федерации делается акцент на создание крупных агрохолдингов, нередко препятствующий формированию рациональной социальной структуры аграрного сектора, наносящий ущерб развитию кооперативных формирований, фермерских хозяйств, ПСХ, других организаций малого бизнеса. Между тем на деле гигантские современные латифундии земельных олигархов не подтверждают восторженных суждений об их высокой эффективности. Сопоставление результатов их деятельности с вложениями, в том числе бюджетными, которые обычно в первоочередном порядке и в основных объемах предоставляются этим сверхкрупным образованиям, является наглядным тому подтверждением. По обобщающему показателю – выходу продукции на единицу используемых ресурсов, фондоотдаче они часто уступают показателям обычных оптимальных по размерам СХО, К(Ф)Х и даже приусадебных семейных хозяйств.

При хвалебных оценках «агрохолдинизации» сельского хозяйства часто ссылаются на передовой в этом отношении опыт Белгородской области, обычно аргументируя эти оценки достижениями области в целом. Бесспорно, достижения имеются, и они в определенной мере действительно связаны с эффективностью областного управления. Но они и результат огромных преимуществ области при получении бюджетных трансфертов и инвестиционных кредитов по сравнению с меньшими льготами в остальных 16 областях ЦФО в расчете на гектар земельных угодий.

К тому же объективных расчетов эффективности деятельности агрохолдингов нет. Располагая благоприятными природными и экономическими условиями, эта область остается дотационным регионом. Таким же дотационным остается богатейший по ресурсам Краснодарский край, в то время как к проводимой в регионе аграрной политике, особенно в части земельных отношений, имеется немало серьезных вопросов.

Интегральным, унифицированным выражением конкретных задач аграрной политики является осуществление системной последовательной интенсификации сельского хозяйства с подчинением этой задаче деятельности и других сфер и отраслей АПК. Научной разработке этой темы огромное внимание, особенно в связи с проведением Крестьянской, а затем Столыпинской аграрных реформ, уделялось в царской России. Даже в «застойные» годы она оставалась предметом особого внимания в работах экономистов-аграрников, широкого обсуждения как общего концептуального плана, включая подходы к определению самого понятия интенсификации сельского хозяйства, так и вопросов ее практического

осуществления. К сожалению, в последнее время эта тема почти исчезла из планов и результатов аграрных экономических исследований, а также со страниц научных изданий по этой тематике. Произошла своеобразная замена понятия интенсификации понятиями «модернизация», «инновации», хотя суть этих понятий предполагает рассмотрение их в качестве составных элементов, факторов интенсификации, охватывающей широкий круг вопросов качественных преобразований во всем воспроизводственном процессе, в его производственной, технико-технологической и социальной сферах.

В этой связи необходимо создавать условия для перевода сельского хозяйства на качественно новый уровень материально-технической базы с необходимыми для этого изменениями в деятельности предприятий сельхозмашиностроения, всей 1 сферы АПК. Пока фактическая обеспеченность машинно-тракторным парком отрасли далеко не соответствует необходимому уровню интенсивности ее развития, который, в частности, выражается в размерах материально-технических средств на единицу земельной площади. Скорее можно говорить о снижении этого уровня, связанном с сокращением производства и поставок сельхозпроизводителям техники. По отдельным видам, прежде всего тракторам, производство уменьшилось в десятки раз. В 1990 г. выпуск их достиг 214 тыс. штук, а в последние годы в среднем не превышал 10 тысяч.

В целом на Россию с ее 10% посевных площадей приходится менее 3% основных фондов мирового сельского хозяйства против 15% в США. Доля машин в этих фондах в России составляет всего около 7% против 11% в Китае и 28% в США. Тракторный парк СХО с 1990 г. сократился к 2016 г. почти в 7 раз, зерноуборочных комбайнов в 6 раз. Нагрузка пашни на 1 трактор возросла за этот же период с 85 до 289 га, посевов на 1 зерноуборочный комбайн — со 152 до 400 га, что в 5–6 раз превышает эти показатели в развитых странах Запада с действительно высокоинтенсивным сельским хозяйством. Сельхозтехника крайне изношена, сроки ее эксплуатации часто переходят все разумные границы. Коэффициент обновления сельскохозяйственной техники все еще остается на уровне 4%. В структуре машинно-тракторного парка высока доля зарубежной техники. В 2016 г. по тракторам ее доля составила 68%. Лишь 2% оборудования для пищевой промышленности производится в России. В целом доля сельского хозяйства в основных фондах страны за 1990–2016 гг. снизилась с 11,4% до 2,6%.

Важнейшим фактором интенсификации сельского хозяйства являются вложения в повышение почвенного плодородия, зависящего от уровня удобрения полей. Между тем за годы реформ произошло значительное сокращение использования минеральных удобрений в расчете на 1 га посевной площади (за 1990–2016 г. в 2,2 раза), органических удобрений почти в 3 раза (около 90% посевов ими не удобряется вообще). Доля России

в мировом производстве минеральных удобрений – более 9%, а ее доля в потреблении – почти в 8 раз меньше. В Китае и США эти доли примерно равны, а доля Индии в мировом потреблении удобрений почти вдвое выше доли в их производстве. При общем увеличении производства минеральных удобрений в России (за 1990–2016 гг. с 15,9 до 18,3 млн т) использование их внутри страны в почву сократилось с 9,9 до 2,0 млн т. Почти заброшена химическая мелиорация земель. Известкование кислых почв, занимающих 35% пашни в России, с 1990 г. упало в 17 раз до 0,3 млн га. В критическом состоянии находится ирригация. Из числящихся орошаемыми 4,3 млн га не поливается половина, из осушенных земель треть (1,5 млн га) вообще выпали из сельскохозяйственного производства. Без преодоления технико-технологической отсталости российского сельского хозяйства (как следствия общего отставания в интенсификации сельскохозяйственного производства) модернизационный прорыв в отрасли невозможен.

Интенсификация сельскохозяйственного производства в соответствии с объективно обусловленной стратегической целью аграрной политики предполагает создание необходимых социальных условий труда и жизни для тружеников села. Пока эти условия значительно отстают от городских показателей. Уровень оплаты труда в сельском хозяйстве составляет 57% к среднему по экономике против 95% в 1990 г. На селе сосредоточена безработица и людская бедность. В связи с этим по результатам мониторинга 30% жителей села и более половины молодежи намерены покинуть деревню, и без того опустевшую на огромных сельскохозяйственных территориях.

По данным за 2015 г. вследствие сохраняющихся существенных различий в социальных условиях жизнедеятельности в городе и деревне рождаемость на селе в расчете на 1000 человек населения была ниже городских показателей, а смертность, наоборот, выше. В итоге естественный прирост населения в городе был положительный (+0,8), а в деревне отрицательный (–1,6). Уровень сельской безработицы при этом вдвое выше, чем в городе (соответственно, 4,5 и 8,4%). Структура и общий уровень потребления продуктов питания также складывается не в пользу сельского населения. Среднегодовые располагаемые ресурсы в сельских домохозяйствах составили всего 65,2% к городским показателям. Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в деревне почти в два раза выше, чем в городе.

В целом наблюдаются тенденции десоциализации села, вследствие чего в ряде ведущих аграрных регионов, в том числе в национально-демографическом «сердце России» – Нечерноземье, десоциализация и депопуляция уже начинают приобретать необратимый характер. За последние 15 лет на 20 тыс. сократилось число сельских поселений, сельское

население сократилось на 2,7 млн человек, среднегодовая численность занятых – на 4,7 млн человек.

Общая не востребованность, качество жизни, уровень оплаты труда селян, подрывают стимулы и сами возможности осуществления эффективной деятельности по интенсификации производства. При сохранении такой ситуации в развитии человеческого потенциала в сельском хозяйстве, без привлечения на село квалифицированных специалистов, преодоления депопуляции во многих сельских районах, поддержание устойчивости развития на большей части сельскохозяйственной территории России, особенно в труднодоступных и приграничных районах, маловероятно. Государственные программы развития сельского хозяйства и целевые программы социального обустройства села без необходимого государственного ресурсного обеспечения не способны переломить возникающие негативные тенденции и обеспечить качественного преобразования условий труда и жизни в деревне.

Для эффективного осуществления последовательной интенсификации важное значение имеет формирование *модели аграрного сектора со сбалансированной отраслевой и социальной структурой*. Такая модель предполагает упорядочение отношений собственности, оптимизацию соотношений и размеров организационно-правовых форм хозяйств, осуществление их деятельности на основе рыночных методов хозяйствования с широкой практикой антимонопольных ограничений в отношении партнеров сельского хозяйства по АПК. Соответствующие требования к системе государственного регулирования агропромышленного производства, как правило, пока не реализуются.

Важно в полной мере учитывать, что *используемые в подтверждение успешности проводимой аграрной политики количественные показатели, прежде всего прирост продукции (в 2015 г. к предыдущему году он составил 2,6%, в 2016 г. – 4,8%) достигались при фактическом снижении основных показателей интенсификации сельского хозяйства, прежде всего фондооснащенности на единицу земельной площади*.

Во-первых, данные за отдельные годы в сельском хозяйстве не дают основания для объективной оценки действительных успехов и, во-вторых, не раскрывают, что на деле кроется за ними. Прежде всего происходит «интенсивное» истощение почвенного плодородия, поскольку вынос питательных веществ из почвы за последние годы почти в 3 раза превышает их возврат в связи с катастрофическим снижением удобрения полей. Органические удобрения практически вообще перестали вноситься в почву, а и без того крайне малые дозы минеральных удобрений снизились до символической дозы на 1 га посевной площади. При этом 4/5 производимых в стране минеральных удобрений экспортируется и используется для интенсификации, следовательно, повышения урожайности полей зарубежных фермеров.

Даже скудные в сравнении со многими странами Запада показатели урожайности зерновых (в 2–3 раза ниже, чем в развитых странах) и других культур достигаются в основном за счет деградации естественного потенциала пахотных земель. Причем заметную роль в некотором их повышении в последнее время принадлежала применению западных технологий, использованию (до 50% и более, по сахарной свекле – 97%) импортных семян, которые дают прибавку урожая, но и выносят из почвы больше питательных веществ. При этом на подавляющей площади пашни перестали вводиться севообороты, являющиеся важнейшим элементом общей культуры земледелия, показателем интенсивного ведения хозяйства.

На этом деградирующем агротехническом фоне и получен (если верить статистике) отмеченный за 2015 и 2016 годы прирост валовой продукции сельского хозяйства, а также осуществляется продовольственный, в основном зерновой экспорт. При этом нынешние его объемы обеспечиваются за счет серьезных перекосов в структуре посевных площадей, искусственных «флюсов» посевов зерновых, особенно пшеницы, подсолнечника, сокращения за 1990–2016 гг. в 3,5 раза посевов кормовых культур, общих диспропорций между растениеводством и животноводством. Повторяется негативная по своим последствиям практика конца 20-х – начала 30-х годов XX в., когда экспорт зерна подрывал кормовую базу животноводства. В последнее время, вывозя за рубеж зерно в среднем примерно по 20 тыс. тонн в год, страна импортировала животноводческую продукцию почти на эквивалентный (в условных единицах) объем. При этом импортеры российского зерна немало (не менее 40 долл. за тонну) зарабатывали на его переработке. При экспорте зерна в 2016 г. в объеме 33 млн тонн наша страна из-за отсутствия собственной переработки потеряла 1,3 млрд долларов.

Настоящим экспортером, мировой продовольственной державой может называться страна, которая, обеспечивая внутренний спрос, не менее $\frac{1}{4}$ своего производства (со значительной долей продукции животноводства) поставляет на внешний рынок. Статусом такой державы в начале XX в. обладала Россия, которая только от экспорта сибирского масла получала в казну золота больше, чем вся золотопромышленность края. Странами – экспортерами продовольствия вправе называть себя США (годовой экспорт пищевых продуктов – свыше 110 млрд долларов), страны-члены ЕС, которые при почти сопоставимой с Россией площади сельхозземель экспортируют продовольствия на сумму до 500 и более млрд долларов в год (со значительной долей продукции животноводства), что многократно превышает российские показатели (в 2016 г. 17 млрд долларов, в основном продукция растениеводства).

Таким образом, Россия еще не приступила к полноценному системному инновационному преобразованию сельскохозяйственного

производства, продолжается деградация основных факторов. Поэтому следует более объективно оценивать роль роста отдельных показателей.

Основываясь на анализе глубинных причин рассмотренных противоречивых тенденций развития сельскохозяйственного производства при сужении его ресурсного потенциала, многие исследователи подчеркивают существенные практические изъяны и общую концептуальную ущербность проводимой аграрной политики. Действующая модель этой политики, отмечает академик РАН И. Ушачев, «совершенно не способна решить фундаментальные проблемы развития сельского хозяйства»¹.

Такой вывод (а он содержится во многих других исследованиях) базируется не на отдельных, «вырванных из контекста» количественных показателях, а на системном, всестороннем анализе общего социально-экономического положения в отрасли и всей системе АПК. В аграрной политике не находят своего предметного и полного отражения ее стратегическая цель, принцип приоритета сельского развития с соответствующей господдержкой аграрного сектора в расчете на занятого в нем работника и на единицу земельной площади. А это значит, что проводимая политика по меньшей мере требует существенной корректировки. Это касается и общей концепции, и основных направлений аграрной политики, и конкретных мер и механизмов экономического и правового регулирования всего процесса развития сельского хозяйства и АПК в целом. Первоочередные задачи: а) финансовое обеспечение приоритета развития сельского хозяйства на ближайшую перспективу в объективно необходимых и последовательно наращиваемых размерах; б) разработка и целенаправленное применение действенного, последовательно рыночного механизма рационального использования бюджетных и собственных ресурсов СХО и предприятий других отраслей АПК; в) формирование адекватного этим мерам аграрного законодательства, предполагающего упорядочение системы государственного регулирования и управления сельским хозяйством и всем агропромышленным комплексом страны; г) рационализация отраслевой и социальной структуры аграрного сектора в сочетании с обеспечением общей структурной сбалансированности АПК и экономики страны в целом.

Соответствующие конкретные аналитические расчеты показывают, что размер финансовых ресурсов, необходимых для перехода к устойчивому развитию аграрного сектора, преобразования его социальной сферы, осуществления последовательной интенсификации сельского хозяйства составляет не менее 650 млрд руб. в год, что примерно равно 50% суммы годовой перекачки создаваемого в отрасли национального дохода в пользу субъектов ее монопольного окружения и государства и в 3 раза больше фактически выделяемых сумм.

¹ Ушачев И. Г. Социально-экономическое развитие АПК России: проблемы и перспектива. М. 2015 г. С. 254.

Мобилизовать такие средства вполне реально и в нынешних сложных социально-экономических условиях, если обеспечить ответственный государственный подход к расстановке макроэкономических приоритетов, оптимизации общей структуры экономики с учетом особой значимости приоритетного развития сельского хозяйства, осуществить соответствующий бюджетный маневр. Пока же в проводимой политике такой подход не просматривается.